

наши
достижения

ж. 10 1933

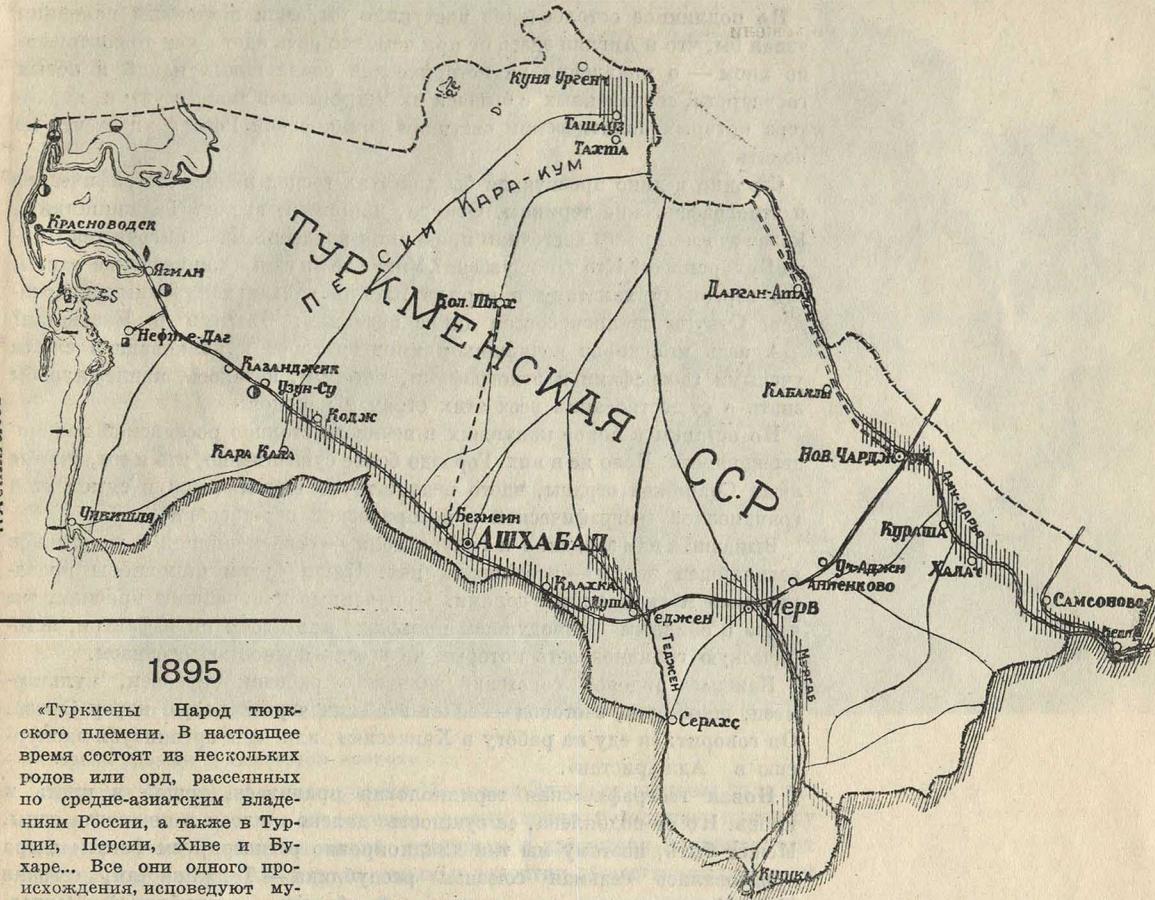
ежемесячный
илюстрированный
журнал
под редакцией
М. Горького

117
3

16 лет

журнально-газетное объединение

1895

«Туркмены. Народ тюркского племени. В настоящее время состоят из нескольких родов или орд, рассеянных по средне-азиатским владениям России, а также в Турции, Персии, Хиве и Бухаре... Все они одного происхождения, исповедуют мусульманскую религию и имеют наклонности к грабежам; причем родовая месть служит источником к постоянной вражде между разными родами. Каждый туркмен вооружен пикой и саблей, каждый род имеет своего хана или аксакала, отличающегося от прочих богатством и ловкостью в набегах и грабежах. Небольшое число туркмен платит дань России, что составляет 1 руб. 50 коп. с кибитки».

Географо-статистический словарь Российской империи.

рождение нации

(о смысле некоторых перемен на географической карте)

евг. штейнберг

Представьте на минуту, что вам удалось воскресить из мертвых какого-нибудь генерала Кауфмана, Скобелева, Муравьева-Амурского или еще кого-нибудь из той же плеяды российских колонизаторов и продемонстрировать ему географическую карту Союза ССР. Вообразите, как вытянулось бы лицо престарелого звездоносца, с каким ужасом и возмущением отметил бы его взор пестроту красок на этой, некогда столь одноцветной, карте, путаницу пограничных линий, квадратиков, многоугольников, кружочков, носящих неслыханные имена невероятных народов.

Факт отпадения от России колониальных окраин может быть его потряс бы и не слишком. В конце концов, фортуна каприсна. Потеря завоеванных земель была бы только горька, но по крайней мере понятна. Он объяснил бы ее просто коварными происками какой-нибудь Англии или еще бог весть чем...

Но подлинное оостолбенение наступило бы, если почтенный покойник узнал бы, что и Англия здесь не при чем, что речь идет о чем-то совершенно ином — о появлении на исторической сцене новых наций и новых государств, соединенных с бывшей их метрополией такими узами, характера которых политическим светилам романовской России ни за что не понять.

Странно и дико прозвучали бы для этих господ новые географические и этнографические термины. Откуда, например, взялся Таджикистан?.. Разве это не просто восточная провинция владений «его высочества Эмира Бухарского»? Кто такие узбеки? Уж не те ли самые ташкентские сарти, что торговали халатами и варили плов в чайханах туземных кварталов? Откуда взялись совсем дикие названия: Оиротия и Казакстан?

А ведь многие из почивших администраторов и полководцев слыли учеными географами и этнографами, которым, казалось, надлежало бы знать о существовании всех этих стран и народов.

Но оставим в покое канувших в вечность столпов российской великороджавности. Дело не в них. Гораздо более существенно, что и мы, живые люди Советской страны, часто недостаточно вдумываемся в смысл этой грандиозной географической и исторической перетасовки.

Выпавшая нам завидная и редкая доля — современников и участников величайшей эпохи — избаловала нас. Наши будни наполнены праздничными и громадными делами. Приученные к ярчайшим краскам, мы часто с обидным равнодушием проходим мимо событий и фактов, историческую грандиозность которых не всегда полностью осознаем.

Каждый рядовой советский человек — рабочий, вузовец, культармеец, школьник, счетовод — знает в общих чертах новую карту Союза. Он говорит: «я еду на работу в Хакасию», или: «мы организуем экспедицию в Аджаристан».

Новая географическая терминология привилась, вошла в плоть и кровь. Но ее подоплека, ее сущность далеко не всем и не всегда ясны. Может быть, поэтому мы так хладнокровно регистрируем факты: вчера образовалась седьмая союзная республика — Таджикистан, сегодня Кара-Калпакия стала из автономной области — республикой. Завтра, может быть, мы увидим автономный Курдистан.

В чем же суть? Чем объяснить на карте шестой части мира множество этих новых национальных образований?

18 мая 1925 года т. Сталин произнес свою историческую речь на собрании студентов Московского коммунистического университета трудающихся Востока. В речи этой он с поразительной четкостью сформулировал основные принципы ленинской национальной политики и дал основные указания о практической работе среди национальностей СССР. Говоря о национальном размежевании Средней Азии, о только что созданных среднеазиатских республиках — Туркменистане и Узбекистане, т. Сталин поставил вопрос:

«В чем состоят характерные особенности существования и развития этих стран, этих республик, в отличие от колониальных и зависимых стран?»

И тут же дал короткий, но исчерпывающий ответ:

«Во-первых, в том, что республики эти свободны от империалистического гнета. Во-вторых, в том, что они развиваются и консолидируются как нации не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой советской власти. Это беспримерный факт в истории, но это все же факт».

Значение слов вождя о консолидации и развитии наций под эгидой советской власти огромно для понимания исторической сущности нашей национальной политики.

праздник урожая в хлопковом колхозе

Ленин и Сталин на основе учения Маркса и Энгельса впервые дали ясное и подлинно научное объяснение самому понятию «нации», процессу возникновения и развития наций, причинам и характеру национальных движений и исторической роли нации в развитии общественных форм и отношений.

Под резиновую оболочку понятия «нации» буржуазные историки подводили самые различные и несходные друг с другом виды и типы общественной организации. Они разумели под нацией и древних греков, и средневековые феодальные княжества, и народы Центральной Азии, и современные капиталистические государства Европы или Америки. По их же стопам шли и многие, с позволения сказать, «марксистские» теоретики вроде Отто Бауэра и прочих апостолов австромарксизма. Ленину и Сталину принадлежит заслуга изъятия термина «нация» из того безвоздушного пространства, в котором он доселе витал.

Нельзя рассматривать нации вне времени и пространства. Их возникновение и развитие связано с определенной исторической эпохой, эпохой «подымавшегося капитализма», его борьбы с феодализмом, с абсолютной монархией, с чужеземным гнетом. В грозе и буре великих, буржуазных революций создавались нации, рушились средневековые заставы феодальных княжеств, создавалась и крепла национально-патриотическая идеология, национальный язык, литература. Основой этих национальных движений было стремление к созданию единого национального рынка, столь необходимого буржуазии.

Но что же такое нация? Какими признаками она характеризуется? Здесь снова мы находим наиболее полный, наиболее исчерпывающий ответ у Сталина. Четыре признака обязательны для нации, четыре признака, отличающие нацию от племени, от расы, от родовой группы,

от религиозной общини и т. д. Эти четыре признаки: 1) общая территория, 2) общий язык, 3) общность экономической жизни, 4) общность культуры.

Вдумайтесь поглубже в эти признаки и вы увидите, что здесь нельзя ничего прибавить и ничего урезать. Чтобы говорить о нации, нужно располагать всеми этими четырьмя признаками. Отнимите хоть один из них, и национального единства нет. Англичане и американцы, говорящие на одном языке, не составляют единой нации, тогда как, скажем, северные и южные немцы, несмотря на разницу разговорных наречий, в силу единства территории, экономической жизни и литературного языка, составляют одну немецкую нацию.

Если приглядеться к условиям и быту многих окраинных народов дареволюционной России: народов Средней Азии, Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, станет совершенно ясным, что здесь мы не имели до революции 1917 года сложившихся наций в нашем смысле этого слова.

Один из самых наглядных и самых ярких примеров, иллюстрирующих это положение, — туркмены. На истории туркменского народа можно очень ясно видеть, как совершается впервые процесс создания новых наций «под эгидой советской власти».

В 80-х годах минувшего столетия закончилось русское завоевание Средней Азии. Его последним этапом была обширная и пустынная туркменская степь, простиравшаяся от Каспийских берегов на восток до громадной и величественной Аму-Дарьи. Русские завоеватели застали туркмен частью рассеянными по этой Закаспийской степи и примыкающим к ней пескам Кара-Кум, частью осевшими в приамударинских оазисах Хивы и Бухары, частью кочующими по обе стороны персидской границы. Жили тогда туркмены отдельными племенами. Были туркмены-текинцы и туркмены-иомуды; туркмены-сарыки и туркмены-салыры; туркмены-гоклены и туркмены-чаудоры.

Основой всей общественной жизни туркменского населения был род. Это не был первобытно-коммунистический род. Это был родовой строй в его последней стадии, это был род, в котором не осталось и следа первобытного равенства, потому что в родовой общине уже успела образоваться привилегированная эксплоататорская верхушка, быстро вызревавшая в феодалов.

Родовая часть и родовое обычное право были в этих условиях фиговыми листьями, прикрывавшими отвратительную наготу грабежа и притеснения. На этих выцветших и облинявших предрассудках основывали родовые вожди, белобородые старцы — «аксакалы», свое право на выживание трудового пота туркменского дехканина.

Ей, туркменской знати, было выгодно подменить родовой солидарностью — классовое единство бедняков. В течение многих десятилетий длилась кровавая вражда между иомудами и текинцами, между текинской ветвью «тохтамыш» и текинской же ветвью «стомыш», между самыми крошечными родовыми группами и коленами. Одно племя грызлось с другим; из-за пастбищ и колодцев в кочевых районах; из-за земельных участков и источников орошения — в оседлых. Родовой туркмен меньше всего осознавал свою принадлежность к племени, колену, роду и видел наследственного врага в туркмене другого племени или рода.

Родовая организация нашла свое ярчайшее выражение в системе земельно-водных отношений. Она породила особую, специфическую туркменскую форму родовой земельно-водной общини, известной под названием «санашника». По законам этой общини право на землю и на долю орошательной воды имели только мужчины, члены рода, причем только же-

нательные. Но жениться на Востоке не так-то просто. Для этого нужно уплатить «кальм» — выкуп за жену. Бедняк-дехканин попадал в заколдованный круг; чтобы получить землю и воду, нужно было жениться, а чтобы жениться, нужно было иметь средства, т. е. опять ту же землю и воду. Единственный выход из этого круга был — итти в кабалу к баю, арендовать землю, отдавая львиную долю урожая тому же баю за семена, за воду.

Эта система рабства и кабалы освящалась родовым правом и родовой моралью.

Вслед за победоносными армиями «белого царя» купцы и промышленники заканчивали дело покорения Средней Азии. По пятам экспедиционных корпусов, под надежной защитой лихих казацких чубов двигались на Восток московские, орехово-зуевские, ярославские, миткальные, сибирские и прочие «короли». По зыбучим барханам и летучим пескам протягивались стальные полосы железнодорожной колеи. Под боком у полукушевого аула возникал наспех сколоченный, бывучий, город. Мокнатые шапки кибиток смешивались с бараками, казармами, походными лавками и церковушками. Саранчой налетали рыцари легкой наживы: скупщики, маклеры, греки, ростовщики, содержатели публичных домов.

Скрепы натурального хозяйства трещали по швам. В туркменский аул поползли ленты дешевых, расписных сиццев. Возрастала нужда в деньгах. Нарождалось товарное хлопководство. Развивалось ростовщичество.

Бесспорно, что русское завоевание сыграло известную роль в деле разрушения натуральнохозяйственного уклада в туркменском ауле: бесспорно и то, что с этих пор начинается внедрение в узенъкий, примитивный обиход туркменского крестьянина таких понятий, как: торговля, деньги, кредит, ссуда, товар. Но на этом «прогрессивная» роль русского капитала кончалась.

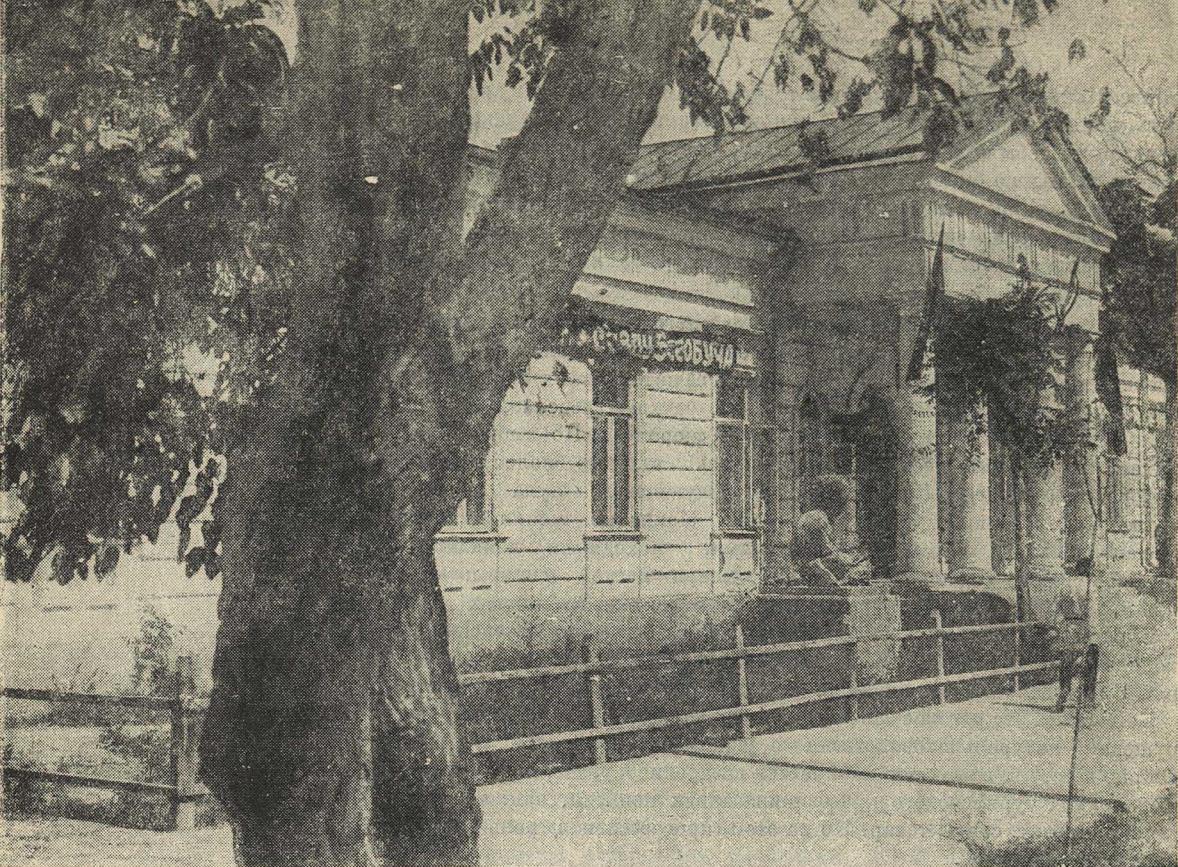
Октябрьская революция застала туркмен столь же разрозненными, какими они были в начале русского завоевания; она застала здесь тот же феодально-родовой уклад, ту же племенную и родовую вражду, ту же потрясающую грязь, дикость, бездорожье. Колониальный гнет помешал формированию на окраинах единых наций. Он помешал процессу возникновения и развития национальной промышленной буржуазии и ее антипода — национального пролетариата.

Некоторые историки и литераторы пытаются доказать, будто подлинная социалистическая революция в Средней Азии началась только в 1926 году, т. е. когда приступили к проведению земельно-водной реформы. До этого времени якобы аул и кишлак пребывали в безмятежном состоянии.

Любой очевидец событий Октября и гражданской войны в Средней Азии легко опровергнет эти домыслы. Он расскажет о том, как уже после Февральских событий дехканские сходы приветствовали свержение самодержавия, как настойчиво они добивались предоставления коренному населению всех прав и преимуществ, как угрожающе они требовали смены ненавистных чинов русской полиции и наказания виновных в истязаниях и расстрелах во время подавления среднеазиатского восстания 1916 года.

Почтайте официальную переписку между начальником Закаспийской области и туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным, вы увидите, как трусили в марте 1917 года бравые царские генералы, как боялись они национального гнева туркменского народа.

Но гнев этот был не только национальным. Он был и глубоко классовым по своей сущности. Сплошь и рядом трудовые слои дехканства выступали против своих родовых старшин и баев. На аульских сходах раздавались требования о конфискации байских запасов зерна и продовольствия.

институт туркменской культуры в ашхабаде

ствия для раздачи бедноте и голодающим. Кое-где дело доходило до открытых классовых столкновений.

Уже тогда, в предоктябрьские месяцы 1917 года ясно наметился единственно возможный путь национального освобождения и объединения туркмен: путь пролетарской революции. В эту эпоху на историческую сцену выступили новые социальные силы.

Это была отнюдь не жалкая кучка туркменской националистической буржуазии и буржуазной интеллигенции. В годы гражданской войны она пошла в услужение к британским интервентам и русским белогвардейцам, захватившим Закаспий.

Это были трудовые дехканские массы. Благодаря помощи и руководству передового пролетариата они смогли свершить дело освобождения от империалистического гнета. Это было только начало; чтобы свершить объединение народа, понадобились годы долгой и сверхнапряженной работы под «эгидой советской власти».

В 1924 году было проведено национальное размежевание Средней Азии.

Туркмены, узбеки, таджики, киргизы, раздробленные раньше между русским Туркестаном, Бухарой и Хивой, обрели свое государственное независимое бытие, свою территорию — первый из четырех признаков нации. Среднеазиатские республики были основаны на принципе национального самоопределения пробуждающихся к новой жизни народов.

Это национальное размежевание создало необходимую почву для успешного хода формирования нации. Но дальше стоял на очереди основной

вопрос, без решения которого итти по своему пути было невозможно. Это был вопрос о перестройке системы земельно-водных отношений.

Уважаемый читатель! Вы, несомненно, прочли немало увлекательных или скучных очерков, повестей, романов советской Азии и вы, конечно, знаете о роли ирригации на Востоке. Но, только побывав в Туркмении, вы почувствуете по-настоящему, что значит вода для этой страны. Вы увидите в горячем, как доменная печь, Красноводском порту опреснители, которые снабжают жителей мутной и солоноватой каспийской водой. Вы привыкнете к длинным очередям пассажиров с чайниками и кувшинами, запасающихся на железнодорожных станциях водой, потому что дальше вода будет только через 200—300 километров. Вас уже не поразит, когда старик туркмен бережно и тщательно завернет водопроводный кран, чтобы не пролить лишние две капли воды на землю.

Только тогда вы поймете кровавую и мрачную историю этой страны, переполненную набегами, стычками, побоищами из-за воды, из-за арыков и колодцев. Вы поймете и то, почему земельно-водная реформа, проведенная советской властью, была событием такого громадного социального и политического значения.

Эта реформа окончательно ликвидировала родовую земельную общину с ее «правом женатых», с властью родовой верхушки и распределением воды по родовому признаку. Она ликвидировала нетрудовые земельные владения феодалов и кулаков, за счет которых было наделено землей и водой более 32 000 безземельных и малоземельных хозяйств.

Мне пришлось побывать во многих районах Туркмении через три года после проведения этой реформы. Лицо туркменского аула преображалось с поразительной быстротой. Старики дехкане в Теджекенском районе поражались чуду: внезапно утихла, казалось, нескончаемая вражда между «тохтамышами» и «стомышами», вражда, породившая легенды, вражда, о которой пели бродячие «бахши».

В ауле Киндыклы, в пограничном с Персией Серахсгом районе, бок-о-бок жили туркмены-салыры и туркмены племени «Ата». Грязня между ними шла чуть ли не с полтора столетия. Салыры считали себя самым аристократическим из туркменских племен, они связывали свое происхождение непосредственно с именем Салыра-Огурджиека, легендарного прародителя всех туркмен. Что значило в сравнении с этой знатью какое-то племенное племя «Ата», помесь туркмен с потомками арабских колонистов? К тому же салыров в районе было больше. Кому, как не им, должны были принадлежать лучшие земли в верховьях каналов? Атинцы, однако, держали претензовать на место под солнцем. Бесконечные кровавые побоища приносили выгоды только родовой верхушке победителей.

Как только здесь провели дорогу, как только распределение воды перешло из рук родовых «мирабов» в ведение водхоза, племенные противоречия стали быстро сглаживаться, смягчилась острота родовой вражды, так как была уничтожена почва, ее питавшая.

Туркменское байство, разумеется, приняло реформу в штыки. Оно использовало все средства борьбы — от агитации на базарах и в мечетях, до выстрелов из-за угла. Приезжавшие для проведения реформы и для постройки новых ирригационных сооружений агрономы, инструкторы и гидротехники спали в палатках не раздеваясь, сжимая рукоятки наганов.

Но, несмотря ни на что, реформа проводилась с удивительной быстрой. Шло ирригационное строительство. Вместо древних, как развалины Мерва, кустарных арыков, начали появляться новые «инженерные» каналы. Они несли на хлопковые поля прозрачную воду.

Новые арыки, каналы, плотины и вододелители агитировали убедительнее, чем болтовня старшин и проповеди ишанов. Туркменский бедняк впервые получил воду. Счастливый потомок многих обездоленных поколений, он добился того, о чем можно было мечтать в редкие часы дремоты в кибиточной прохладе, он получил то, из-за чего дрались люди, как одичалые псы, из-за чего кровь лилась, как вода, а вода превращалась в кровь. Могли ли устоять перед этим самые упорные предрасудки, самые сильные традиции и фетиши?

На этой расчищенной земводреформой почве в 1929/30 году бурно развернулось колхозное движение. В 1928 году в колхозы было объединено только 0,5 процента всех бедняцко-середняцких хозяйств республики, к концу первой пятилетки колхозы охватывали 71 процент этих хозяйств.

Что означают эти цифры? Они яснее ясного говорят о том, что победа социалистической системы в Туркмении обеспечена. Они подтверждают тот исторический факт, что принцип родовой солидарности и родового единства заменяется принципом солидарности классовой, солидарности трудовой.

Туркменский колхоз объединил дехкан из самых различных, в прошлом враждовавших между собою, родовых и племенных групп.

Не надо думать, что классовый враг сидел при этом сложа руки. В Туркмении существует нарицательное понятие «ата-курдовщина». Ата-Курдов — вредитель и контрреволюционер — создал организацию, добивавшуюся разложения колхозов изнутри. Ата-курдовцы агитировали за создание колхозных бригад по родовому признаку. Каждая бригада должна была состоять только из членов одной родовой группы, во главе с надежным ставленником родовой верхушки. Карта Ата-Курдова была бита. Он не учел одного существенного обстоятельства: туркменский дехкан сегодня не тот, каким он был еще 8—10 лет назад.

Биение нового пульса опущается всюду, в каждом уголке Туркмении.

Вот чайхана, та самая восточная чайхана, что воспета несколькими поколениями поэтов и очеркристов. Чайхана — центр общественной жизни восточного города и деревни. Чайхана — место отдыха и размышления, чайхана — кухня городских сплетен и политических интриг. Чайхана — биржа, где покупают и продают, чайхана — место встречи поэтов и торговцев, бездельников, интриганов, игроков и голодающих бродяг. Менялись режимы, уклады, эпохи. Чайхана оставалась. Она пережила монгольские нашествия, величие и падение многих восточных деспотий, она видела русское завоевание, мимо нее блеснули сталью первые железнодорожные колеи.

Все менялось вокруг. Лишь она одна оставалась прежней. Так же олимпийски медлительно восседал чайханщик возле исполинского и сверкающего своего самовара. Так же колыхались высокие текинские папахи, узорные тюбетейки и цветные чалмы над кошмой. Так же мерно постукивали костяшки «нардов». Так же смачно сплевывали зеленую отраву «наса». Так же надрывно пели старые бахши, ощипывая струны дребезжащих дутаров. Осталась чайхана и сегодня. Но зайдите туда на часок и вы увидите, что в старых мехах заиграло молодое вино. На истрепанных, «облинялых» коврах под плакатами и алыми полотнищами вы увидите груду газет, журналов и брошюр. Кто-то один читает вслух. Читает медленно, потому что каждая фраза вызывает поток вопросов, споров, комментариев. Как распределить колхозные доходы? Почему Тедженский район запаздывает с уборкой? Что такое селекция хлопка? Как лечить пендинскую язву? Все это — вопросы самые важные и волнующие для

ребенка принимают в ясли

сидящих здесь людей и о них, разумеется, стоит поговорить и поспорить за пиялой зеленоватого чая».

«Эстеты» и романтики, влюбленные в прелесть старого Востока, пожалуй, грустно покачают головами. Они, может быть, даже возмутятся и станут говорить о пошлости поэтического восточного колорита. Что ж поделать, господа! Советская страна — не музей и существует она не для досугих туристов. К тому же непонятно, о чем вы грустите? О восточной мелодии? Она осталась. О ярких и радостных красках? И они существуют. Сохранилась даже, как видите, чайхана. Сохранились даже старые туркменские «бахши» — бродячие певцы и поэты. Только смысл и сущность всех этих вещей изменились. Если прежде воспевалась героическая доблесть ханов и родовых вождей, удаль разбойничьих набегов, кровь межплеменных побоищ, то сейчас поются песни о борьбе туркменской бедноты против баев и русских генералов, о молодой девушке, которая ушла из родного аула, чтобы учиться в городе, о Ленине, освободившем трудящихся от кабалы и нищеты. Песни эти — свои, родные, туркменские. Их создает сама жизнь. И если их теперь слышишь не только из уст старого певца, а и из серой тарелки громкоговорителя, то, право же, национальная поэзия от этого не страдает.

Революция прикатила в туркменский аул «красную кибитку». Представьте себе десяток мохнатых куполообразных кибиток в далеких песках; стадо шелудивых верблюдов; пересохшей арык; грязных полуголых ребятишек; ревет ишак, мучимый жаждой; в скудной тени кибиток сидят на корточках дряхлые старики, сидят долго и молчаливо; кибитка от кибитки далеко; нужно долго идти по раскаленному песку.

Настоящая жизнь проходит стороной. О ней не знают и не хотят знать. И вот однажды в эту чортову глушь приходит «красная кибитка». Такая же — обычная туркменская кибитка, только, может быть, чуть пошире, да поисправней.

В ней приезжает один-два человека. Чаще — одна женщина. Выполняет она самые разнообразные обязанности. Она акушерка, она библио-

мурадова. член цик ссср

текарь, она педагог. В кибитке — аптечка, комплект газет и журналов, буквари, брошюры и плакаты.

Первыми приходят женщины. За спинами у них надрывающиеся от крика младенцы, с гноящимися глазами, покрытые розовой сыпью.

Несколько посещений, и ребята очищаются от болячек. Материнская благодарность завоевывает «красной кибитке» десяток верных и горячих сторонниц. Дальше все зависит от энергии и умения «избачки». Нередко приходят к кибитке и мужчины. Они непрочь послушать чтение газеты, непрочь узнать о последних постановлениях правительства, о том, как идет хлопковый сев в соседнем районе, о том, как предупредить падеж скота.

Расскажите об этом любому, кто знал Туркмению до революции и с тех пор там не бывал. Туркмен-дехканин, да еще где-то в песках, в стороне от железной дороги, слушающий женское чтение — слишком уже это невероятно!

А между тем это факт, это самая настоящая действительность.

Особенно велика роль такой кибитки в кочевых районах. Этот маленький очаг культуры движется по пустыне от колодца к колодцу, от кочевья к кочевью. Букварем, газетой, аптечкой он связывает отдельные аулы и разрозненные племена в одно национальное целое.

Осенью 1930 года я ездил по аулам Казанджикского района вместе с женорганизатором района т. Караджаевой. Казанджик — это почти на полпути между Ашхабадом и Красноводском, неподалеку от того мрачного разъезда, где были расстреляны 26 комиссаров. Район довольно отсталый и по преимуществу кочевой. Спутница моя была немолодой уже женщиной. Собственно, она была не туркменкой, а персиянкой. Двенадцатилетней девочкой ее похитили туркмены во время очередного их «аламана» (набега) на пограничную персидскую деревню. В туркменском ауле она долго жила в тяжелом и унижительном рабстве, на положении нето наложницы, нето рабочего скота.

Теперь Караджаева — член коммунистической партии, активнейшая общественница и организаторша. Она несколько раз избиралась в ЦКК Туркмении, побывала два-три раза в Москве — на съездах советов и сессиях ЦИК.

В аулах нас встречали необычайно приветливо. Каждый из дехкан считал своим непременным долгом подойти к Караджаевой поздороваться за руку, расспросить ее о новостях из центра. Караджаева в свою очередь находила для каждого несколько дружеских слов. Феноменальная память этой женщины поражала меня: она знала буквально каждого дехканина, не говоря уже о женщинах, которые составляли ее основную армию. Когда она выступила в ауле Дженахир на экстренном женсобрании, в кибитке аулсовета один за другим появились мужчины. Они с уважением слушали Караджаеву и задавали ей вопрос за вопросом. О чём они ее спрашивали?

Процесс национальной консолидации охватил всю страну. Он чувствуется в постройке каждой новой фабрики, в росте вузов, школ, научно-исследовательских учреждений, в развитии национальной литературы.

Старая колониальная Туркмения была социально дефективна. Ее общественному организму нехватало целых классов и как раз тех классов, которые единственно были способны двинуть дело ее национального раскрепощения. У нее не было крепкой и развитой промышленной буржуазии. У нее не было пролетариата.

Сейчас развитие советской Туркмении идет по некапиталистическому пути, и она отлично обходится без руководства национальной буржуазии.

со всеми его прелестями. Но зато пролетариат, свой национальный пролетариат, этот авангард туркменской нации — он у нее есть теперь. Пройдитесь по цехам ашхабадских фабрик — текстильной и шелкомотальной. Вы увидите туркмен-юношей, девушек, нередко и пожилых — у станков. Вы увидите, как любовно и горячо относятся эти рабочие «коренники» к труду, к своим станкам, как бережно и, главное, как культурно ухаживают они за оборудованием, как заботятся они о качестве продукции.

Или Кара-Бугаз, этот недавно еще пустыннейший залив Каспийского моря, куда изредка забредали лишь туркменские рыбачьи каюки и где теперь, с поистине баснословной быстротой, вырос громадный индустриальный социалистический центр.

Там, на Кара-Бугазе, где добывается ценнейший для нашей химической промышленности сульфат, работают несколько сот туркмен.

Загляните в их клуб во время производственного совещания или во время занятий кружка. Вы увидите там новый тип туркмена-пролетария, представителя того общественного слоя, который сейчас уже играет ведущую роль в реконструкции республики.

И разве не исторический документ — то постановление ЦИК Туркмении, которым несколько месяцев назад ряд лучших ударников Карабугаза — туркмен и казаков — был награжден орденами Трудового знания и почетными грамотами!

Нарождение туркменского пролетариата, туркменских национальных кадров резко меняет привычный старый облик страны. Одно из наиболее интересных и значительных явлений — это уничтожение пропасти, отделяющей город от аула.

Что собою представлял типичный город Закаспия до революции? Он вырастал из лагеря, из военно-чиновничьей базы, из железнодорожного узла. Жили здесь исключительно «европейцы», т. е. люди пришлые и случайные. Быт Ашхабада мало чем отличался от быта любого из отечественных наших Вольсков и Рязаней, с той только разницей, что здесь вдоль тротуаров журчали арыки, по городу проходили цепочкой караваны, в июне стоял шестидесятиградусный зной, а в тридцати верстах от города маячила Персия.

Для «господ-ташкентцев» местное население было только деталью обычного восточного реквизита. В свою очередь и дехкане, приезжавшие в город, на базар, относились к городу и его обитателям, как чему-то иностранныму, чужому и глубоко враждебному. Так жили бок-о-бок два разных и непримиримо враждебных мира: мир колонизаторов и мир порабощенных.

Как поразительно изменились города Туркмении в наши дни! Прежде всего, они стали действительно туркменскими. Это ощущается не только в надписях на туркменском латинизированном алфавите, не только в туркменских названиях учреждений. В Ашхабаде близ конторы Союзтранса, что на текинском базаре, с утра выстраиваются автобусы. Это крытые и застекленные добротные машины Лэйланд, Заурер, АМО, сверстники наших московских автобусов. Как-то не вяжется с этим автобусом, что сейчас он покатит меж развалин, арыков, хлопковых полей, по пескам, прямехонько к персидской границе, в Гаудан, Фирозу или в виноградный Безмейн.

Но вы видите, как наполняется машина громадными туркменскими пахами, как покупают билеты дехкане, как разворачивают они листы газет...

Эти автобусные линии, которыми теперь изрезана республика, эти моторные катера на Аму-Дарье, воздушное сообщение между Чарджуем и

в город!

электричество—в туркменский аул!

Хивой, не говоря уже о железной дороге, играют немалую роль в деле национальной консолидации. То, на что прежде уходили недели, требует теперь нескольких часов. Для жителя захолустного аула город перестает быть недостижимым и потусторонним. Дехканин ездит на автобусе, слушает радио, читает газеты. Войдя в учреждение, он находит там людей, вышедших из его среды и говорящих на том же языке, что и он. Он понимает, что это его город и его учреждение.

До самого недавнего времени в Туркмении не было единого языка. Существовали отдельные, более или менее родственные, племенные диалекты. Иные из этих племенных диалектов подвергались гораздо большему влиянию соседних языков: персидского, узбекского, казахского, неожели родственных туркменских наречий.

Основными диалектами были текинский, иомудский, гокленский. Что касается туркменского литературного языка, то единственным его источником были классические произведения туркменских поэтов XVIII века — Махтум-Кули, Зелели и других. Язык этих литературных памятников действительно богат, звучен и образен. Но имеет он отношение к нынешнему туркменскому повседневному языку примерно такое же, как язык херасковской «Россииады» к современной русской разговорной речи.

За полтора с лишним века Туркмения пережила многое. Язык отразил все перемены в жизни нации и изменился настолько, что уже тридцать лет назад героические поэмы Махтум-Кули понимали только немногие, обладавшие солидным классическим образованием старики.

Когда мы ставим в числе наших основных задач задачу развития «национально-советской государственности, близкой и понятной трудающимся массам» (Сталин), то этим самым мы признаем громадную роль развития национальных языков. И в самом деле, на каком языке разговаривать с туркменским дехканином и колхозником, если не на его родном языке? Какими словами рассказать ему о постановлениях партии и советского правительства, объяснить их сущность? Как, наконец, внедрить всю систему нашей советской культуры в гущу коренного населения окраин? Так возникает важнейшая политическая и культурная проблема — строительства единого, нового, литературного туркменского языка.

Работать в этом направлении было нелегко. Культурных работников было мало... Часто это были представители туркменской буржуазной интеллигенции, оторванной от массы и пропитанной националистическими настроениями. Они просачивались в советскую школу, в печать, в музеи и научные общества. Одни гrimировались под советских людей, другие рассчитывают на перерождение советского строя и будущее торжество буржуазно-демократических идеалов.

Они пытаются протащить правдами и неправдами теорию о неподготовленности туркменского народа к восприятию принципов национально-советской государственности. Родовой строй туркмен, говорят они, отличался благородством нравов и справедливостью, а потому не следует его уничтожать.

Эти тенденции находят место и в таком, казалось бы, академическом вопросе, как вопрос о туркменском литературном языке. Привлеченные к участию в работах лингвистических и литературных организаций, эти господа пытались сохранить прежний племенной принцип. Одни отстаивали гегемонию текинского диалекта, другие иомудского и т. д.

Но вопреки великодержавническим и местно-националистическим поискам дело создания нового туркменского литературного языка движется вперед.

Нужно создать такой литературный язык, который отразил бы все многообразие новых форм хозяйства и быта, и в то же время оставался

близок народным говорам всех основных туркменских племен. Нужно очистить язык от множества архаических оборотов, от многочисленных «арабизмов» и «фарсизмов»¹, которые наслонились в результате многих веков культурного влияния Корана, схоластической учености бухарских медрессе и классической персидской литературы.

Для разработки всех этих сложных проблем была образована специальная комиссия при участии крупных специалистов и Академии наук в Ленинграде. В 1929 году вышел первый русско-туркменский словарь, содержащий до 20 000 слов.

Так на наших глазах туркмены обретают все те основные признаки, которые характеризуют сложившуюся нацию. У них появилась национальная единая территория, свободная от феодальных застav и племенных перегородок, общность экономической жизни, основанная на единой социалистической системе хозяйства, возникает новая туркменская культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию, наконец, рождается единый туркменский язык, язык советской школы, печати, литературы, близкий и понятный широким массам без различия племени и района.

Пример Туркмении типичен и показателен для тех процессов, которые мы наблюдаем сегодня на многих еще недавно отсталых окраинах СССР.

Так на исторической сцене появляются новые нации, создаются новые участки национально-советской государственности, новые литературные языки, новые национальные культуры.

Впервые в мировой истории успешно творится опыт формирования наций — не под эгидой буржуазии, а под эгидой советской власти. Принципиальная разница между двумя этими путями огромна.

Там речь идет об объединении нации для господства и выгоды национальной буржуазии, здесь — в целях ликвидации колониального гната и феодальной эксплуатации трудящихся масс. Там имеется в виду буржуазно-демократическое национальное государство, во главе которого стоят эксплоататорские классы; здесь создается невиданная форма национально-советской государственности, при которой вся власть принадлежит трудовым массам. Там речь идет о национальной культуре, буржуазной по содержанию, являющейся привилегией кучки избранных; здесь — о культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию, творимой широкими массами и для этих же масс.

Консолидация наций не есть, разумеется, наша конечная цель. Но это важный исторический этап, необходимый для приобщения громадных масс бывших колониальных окраин к делу борьбы за социализм.

Пока будут существовать в мире национальные различия, коммунистическая партия будет формировать и консолидировать отсталые нации, добиваясь изживания фактического неравенства между народами СССР, неравенства, оставшегося в наследство от колониального режима.

В этом великий исторический смысл тех поразительных перемен, которые, как на фотопластинке, из года в год фиксируются на географической карте нашего Союза.

¹ «Фарси» — персидский язык.

поля улучшают удобрением

ответственный редактор м. горький. заведующий редакцией в. бобрышев. художники журнала а. дружинов, е. менябарг. фото: родченко, шингарева, пенсона, сюзфото выпускающий е. вишневская.

Уполн. Главлит В-66 999. Изд. № 816. З. Т. 1141. Колич. знаков в 1 п. л. 56 000. СтАт Б5—176×250 мм. Тираж 40 000
Сдано в набор 23/IX. Подписано к печати 25/X. Издание выпущено по соцграфику
в 7-й тип. Мособлполиграфа „Искра революции“, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ГОРЬКОГО

ЦЕНА 50 КОП.

ГИХЛ

ФЕВРАЛЬ 1931

2

О ДЕТЯХ

ЕВГ. ШТЕЙНБЕРГ—
СТАЛИНАБАД

А. ЗОРИЧ—
ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЕРИБЕРКУ

Л. НИКУЛИН—
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМИЮ

М. ЛУКЬЯНОВ—
МЕЛАНЖЕВЫЙ КОМБИНАТ

К. ОВОД—
ТОКАРЬ БАЛАШОВ

Г. БРОННИКОВ—
В СТЕПИ ЗА ВОЛГОЙ

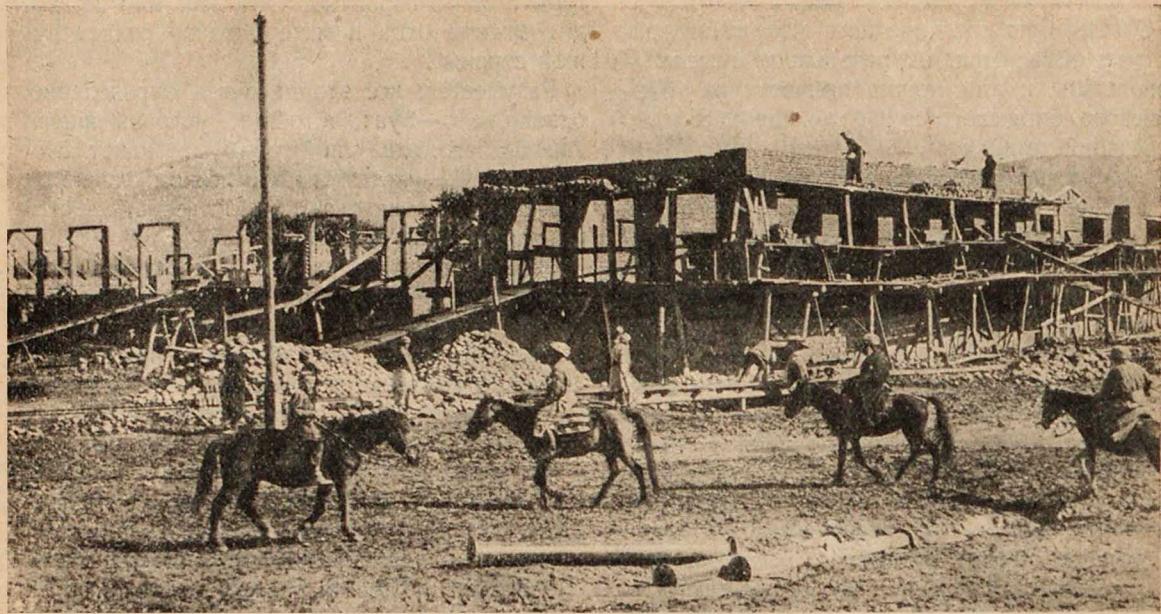
ЗАДАЧИ БУДУЩЕГО

А. ГОРНЫЙ—
ИЗ КАСПИЯ В ЛЕДОВИТЫЙ
ОКЕАН

ХРОНИКА

М. ГОРЬКИЙ—

ЧИТАТЬ
СВЕДЕНИЯ
ОБРАЩАТЬСЯ
В РЕДАКЦИЮ

КЛАДКА ДОМА ДЕХАНИНА

СТАЛИНАБАД

ЕВГ. ШТЕЙНБЕРГ

Раби'и вошел в комнату и поклонился нам. Это был маленький дехканин с седенькой, клочковатой бородкой. Грубый, рваный чекмень болтался на его плечах.

Старик сел на стул. Из цветного ситцевого платка он вынул несколько клочков засалленной бумаги, испещренной мелким кружевом арабских значков.

— Прочти,—сказал секретарь.—Это московские товарищи, и они понимают по-таджикски.

Раби'и широко улыбнулся.—Хорошо,—сказал он.—Я прочту эти стихи. Пусть московские товарищи узнают, что говорят в наших кишлаках.

Он стал читать стихи на певучем языке, на котором говорят в Гиссарской долине. Стихи были наивны и несложны. Эти короткие четверостишия ничем не напоминали о пышности и формальном блеске традиционной персидской поэзии. Однако здесь была своя примитивная мелодия, легкий и ровный ритм. Такие стихи может запомнить ребенок. Их легко положить на музыку и вечером распевать на посиделках в кишлачных клубах.

Раби'и читал высоким, дрожащим голосом. В стихах говорилось о том, как в кишлаке

Аракчин дехкане захотели организовать колхоз. Тогда арбобы (кулаки) стали нанимать бандитов, чтобы убивать по ночам бедняков-активистов. Арбобы и бай не давали хлеба советской власти и помогали басмачам. Потом у них отобрали землю, отдали ее в колхоз—и тутовые деревья арбобов, и их овцы, и их арыки—все стало общим.

«И взошла,—закончил Раби'и,—над кишлаком Аракчин красная заря».

Эти стихи позже были напечатаны в газете «Таджикистан-э-Сорх» (Красный Таджикистан), и мне приходилось их слышать во многих кишлаках Хорасанского и Гиссарского районов. Шерифов рассказал мне историю поэта. Саадулла Раби'и родился в кишлаке Аракчин, о котором шла речь в его стихах. За 55 лет жизни этот человек не выезжал из своего района. После революции он выучился грамоте. Широкий, новый мир открылся перед ним. Так должен себя чувствовать человек, в раннем детстве заброшенный на пустынnyй остров и потом, через много лет, подобранный случайным кораблем. Маленький, старый дехканин узнал о классической персидской литературе. Он прочел монументальный древнеперсидский эпос «Шах-Наме», творение великого Фирдоуси. Он узнал о великолепной лирике таджика Рудеги—прапорителя персидской поэзии. Потом он стал читать сегодняшнюю советскую литературу:

ГЛАВНАЯ УЛИЦА В СТАЛИНАБАДЕ

брошюры Ленина и Сталина, газету «Таджикистан-э-Сорх», устав ВКП, листовки о посевной кампании, брошюры о животноводстве. Он читал книги, статьи, стихи, буквари и афиши. Научившись читать, Раби'и почувствовал прилив острой классовой ненависти. Потомственный бедняк, обладатель двух-трех тощих овец и землянки, похожей на могилу, всю жизнь питавшийся похлебкой и черными лепешками забитый дехканин точно разом проснулся. Все, что дремало в глубине неповоротливого мозга предков Раби'и, сразу закипело в его сознании. Вся вековая борьба угнетенных против притеснителей—кузнеца Кавэ против тирана Зохака, рабов против господ, бедноты против баев и арбобов—сделалась для него ясной и ощутимой.

Раби'и становится одним из передовых активистов кишлака, одним из организаторов сельской бедноты. Получив с одной стороны доверие и привязанность бедняцких групп, он в то же время навлекает на себя ненависть байства и духовенства.

Классовая борьба в кишлаке разрасталась. Байской верхушке удалось каким-то образом пролезть в кишлачный совет и захва-

тить командные посты. В первую же избирательную кампанию наш Саадулла Раби'и оказался в списке лишенцев.

Маленький дехканин потрясен. Он мечется по кишлаку, он обивает пороги совета и избиркома, он едет, наконец, в Дюшамбэ—искать справедливости. Тогда-то Раби'и написал свои первые стихи, где в крепко заученных, исконных формах стиха Саади и Хафиза посыпались проклятия и громы на голову баев и мулл и призывы к трудовому дехканству—объединиться и организовать колхоз. Эти стихи Раби'и принес в редакцию «Таджикистан-э-Сорх» и молча положил на стол секретаря. Стихи были приняты и напечатаны. Раби'и восстановили. Через некоторое время он принес другие стихи, посвященные посевной кампании. Их тоже напечатали. Старый Раби'и стал постоянным сотрудником газеты и признанным дехканским поэтом. Если в первых своих стихах он использовал единственно знакомую ему форму традиционного персидского стихосложения, то теперь он стал писать иначе. Стихи его наивны, бедны и примитивны, но зато они ясны, общедоступны и прекрасно запомина-

ются. Здесь есть своя несомненная логика. Сегодняшняя тематика никак не укладывается в архаические формы классической персидской поэзии. Любовная лирика розы и словья в применении к посевной кампании и трактору звучит анекдотически. К тому же таджикским дехканам с их повседневным обиходом слов и представлений эта пышная персидская поэзия с ее арабизмами и аристократическим великолепием была бы сейчас чужой и недоступной. Это каким-то внутренним чутьем осознал Раби'и — и может быть, бессознательно он и ему подобные становятся творцами и зачинателями новой таджикской поэзии, — новой и по форме, и по содержанию.

Газета «Таджикистан-э-Сорх» стала очагом, где выковывается настоящая литература дехканских масс. Поразительно бережно и внимательно редакция газеты выискивает и отбирает ценных и настоящих людей. Она выдвинула Раби'и и еще двух-трех крестьянских поэтов. Они объединяют вокруг себя таджикскую молодежь, работающую в литературе и печати. Силами этой молодежи они создали в газете литературную страничку, где печатаются стихи и небольшие рассказы. При редакции организован литературный кружок. На заседаниях кружка читается и обсуждается все, что пишут его члены; ставятся небольшие доклады и о русской литературе. Кружком руководит товарищ Масуди, упрямый, деятельный и умный человек. Он нашел нескольких товарищей и начал последовательно сколачивать свое ядро.

Я приехал в Сталинабад — столицу Таджикистана — накануне открытия таджикского научно-лингвистического съезда. Почти все делегаты уже съехались. Здесь были педагоги, ученые, журналисты из Самарканда, Бухары и Ташкента, профессора из Москвы и Ленинграда. Прохладные коридоры таджикского Наркомпроса, пахнувшие свежим деревом, наполнились движением и говором. Несмотря на свое отвлеченное название, съезд этот был посвящен живому, практическому вопросу. Речь шла о создании таджикского литературного языка. До сих пор молодая таджикская литература пользовалась персидским книжным языком Бухары, восточной Персии и афганских городов. Народный же, разговорный таджикский язык в значительной степени отличается от этого «фарси», пропитанного схоластикой бухарских медрессе и чиновничим духом эмирских канцелярий. Если еще в долинах восточной Бухары он был понятен, то в далеких горных районах Таджикистана, куда влияние «бухарщины» почти не прони-

кало, этот язык оставался чужим и неживым. Чем дальше вы едете в глубь памирских перевалов, тем резче различие в говоре. Здесь почти нет арабизмов и руссицизмов, характерных для Бухары, и народные говоры все больше приближаются к чистым древнеиранским наречиям.

Основная задача культурной революции в Таджикистане заключается в том, чтобы книгу, брошюру, газету сделать доступными для самых отдаленных уголков республики. Поэтому на очередь выдвинулся вопрос о создании нового литературного языка, который был бы понятен массам и мог бы сделать литературу и печать достоянием кишлака. Вопрос этот, теснейшим образом связанный с культурной революцией в Таджикистане, выдвинулся уже несколько лет тому назад. Он захватил самые широкие круги таджикских работников-активистов и ученых востоковедов. Он обсуждался и в заседаниях специальной комиссии, и в статьях на страницах таджикских журналов: «Рабхари-Данеш» и «Овоз-э-Таджик». Мнения разделились. Образовалось два лагеря. Одни говорили, что в основу литературного языка нужно положить наречие долины Мианкаля, где расположены старые города Бухары и Самарканда, где развивалась цветущая таджикская культура, распространявшаяся отсюда по всему Ирану. Язык Рудеги и Ибн-Сина должен был стать стандартом, по которому будут равняться все прочие говоры различных районов республики, и на нем должна строиться современная таджикская литература и печать. Эта точка зрения вызвала резкую оппозицию со стороны другой группы, которая считала недопустимым строить современную таджикскую литературу, науку и печать на базе книжного бухарского языка, непонятного и чужого для масс. Вторая группа предлагала положить в основу нового литературного таджикского языка чистые, народные говоры, свободные от книжных цветистых оборотов, свойственных бухарскому наречию. Каждая историческая эпоха имеет свой язык. Язык феодальной Персии эпохи Сефевидов или даже первых Каджар очень мало похож на язык сегодняшней Персии, с его обилием новых терминов и понятий, возникших под сильным французским влиянием. Язык бюрократической и купеческой Бухары не может стать языком дехканского и рабочего Таджикистана, отображающим его социалистическую структуру. Большинство сторонников этого взгляда — из рядов литературной и научной молодежи, тогда как первую точку зрения отстаивают

ДОМ ВСНХ

большей частью старые литераторы Самарканда и Бухары.

В Сталинабаде мне привелось познакомиться с Садрэддином-Айни. Айни—очень известный таджикский писатель. У нас его знают мало. В Средней же Азии имя это звучит необычайно громко. Больше всего известна его повесть «Одина или приключения бедняка таджика». В повести рассказана история таджикского дехканина, прошедшего большой жизненный путь формирования нового человека, таджикского пролетария и революционера. Герой повести—Одина, сын бедняка-дехканина в далеком, горном кишлаке, оставшись сиротой, идет в батраки к местному арбобу. Замученный рабским непосильным трудом и постоянными ударами, мальчик убегает от арбоба, в надежде найти за пределами кишлака справедливость и человеческую жизнь. Он мечтает скопить себе денег на «той»—ритуальный свадебный пир, без которого, по обычаям таджикских кишлаков, он не может жениться на любимой девушке. Одна попадает сначала на работы по постройке железной дороги Бухара-Карши, которую царское правительство вместе с эмиром строило в

1916 году. На постройке снова—голод, тяжелый труд от зари до ночи; здесь подстерегают людей эпидемии и смерть. Ко всему этому прибавляется, до сих пор неведомый мальчику, гнет русских колонизаторов. Снова Одина бежит отсюда в города русского Туркестана. Он поступает рабочим на хлопкоочистительный завод в Андижане. Здесь, на фоне ожесточенной национальной розни, среди разноплеменных рабочих и варварской эксплоатации, Одина впервые начинает понимать истину классовой борьбы и классовой ненависти. Начинается пробуждение нового человека. После целого ряда злоключений и неудач, Одина с восторгом встречает Октябрьскую революцию, чувствуя в ней победу своего дела. Но разбитый физически, смертельно больной, Одина не может уже активно бороться за революцию и умирает в первые же дни победы Октября.

Такова эта таджикская Одиссея, которая приобрела огромную известность всюду в Средней Азии.

Сделанная в наивном, очень сентиментальном плане, повесть Айни все-таки значительна и типична. Путь Одины, наполненный сры-

вами, падениями, неудачами и разочарованиями—это обычный путь того нового человека-строителя, который за эти годы вырос в кишлаках и аулах Средней Азии.

Героя повести Айни мне пришлось встретить во время моей поездки по Таджикистану. Это был Шериф-Сангинов, заведующий АПО ЦК таджикского комсомола. Мы ехали на арбе в селение Карагат. Круглое солнце закатывалось за Гиссарские горы. Вокруг были сырье, рисовые поля. Сангинов зябко кутался в свою теплую куртку. Приступ малярии мучил его. Это был маленький, хрупкий человек, очень серьезный и вдумчивый.

Сангинов рассказал мне о себе. Подобно Одине он был с детских лет батраком в глухом кишлаке Дарваза. Но это было уже в наши дни, и Сангинов знал, куда ему ити. Он убежал от хозяина и пешком двадцать дней шел по заваленным снегом памирским перевалам в Хорог, центр Автономной области горного Бадахшана. В Хороге были школа, клуб и комсомольская организация. Шерифа приютили и стали учить. Через три года его отправили в далекий Ташкент, в таджикский техникум. Из Хорога до Дюшамбе он ехал верхом пятнадцать дней и еще десять дней от Дюшамбе до Ташкента. Сангинов окончил техникум, и теперь он—на большой руководящей работе. Тринадцать лет назад герой повести Айни пытался пробить стену лбом и погиб накануне революции.

Шериф-Сангинов—это уже совсем новый человек, не похожий на героев Айни, с их чувствительностью, прекраснодушием и слабостью. Этот таджикский комсомолец уверен в себе и в своем деле. Он по-настоящему умен и культурен.

У него крепкая воля. Он прекрасно знает, чего он хочет. Это—не расплывчатые, либеральные и демократические идеалы бухарских джадидов, которые воспел Айни, а настоящая большевистская, классовая закалка. Сангинов ехал в Карагат на партийную чистку. Он рассказывал мне о ходе коллективизации в Карагатском районе и о работе комсомольской ячейки. Медленно тащилась наша арба. Огромные колеса скрипели и громыхали по кочковатой дороге. Сумерки сгущались вокруг нас. Мы выехали из сырой долины на узкую горную дорогу. Это был коридор, почти туннель между темных скал. В горах тускло дрожали огни маленького кишлака.

— Кишлак Тодда,—сказал Сангинов.—Басмаческий кишлак. Арбобы и муллы засели. В прошлом году двух наших активисток жи-

вьем сожгли. Ибрагим бека и Фузайля¹ ждут. Разбойничий кишлак.

Нас обогнал всадник. Он ехал крупной рысью на горячем иноходце, сидя немножко боком, как ездят в Бухаре. Легкий халат его в крупных цветах, похожий на одеяло в богатых русских избах, был распахнут. Всадник внимательно и холодно поглядел на нас и без приветствия проехал вперед. Я запомнил его рыжую бороду и насмешливые глаза. Потом он еще раз обернулся, снова поглядел—и, хлестнув лошадь, быстро поскакал к кишлаку.

— Басмач, собака,—сказал Сангинов и запахнул куртку.—Прежде здесь проехать нельзя было, а теперь—смиренные, боятся.

Это была настоящая классовая ненависть, борьба без всякой возможности примирения и уступок. Средневековый, феодальный, фанатический, мусульманский остов старой Бухары извивается в последних злобных судорогах под нажимами национального трудового молодняка, который теперь своими собственными руками взялся за создание социалистического Таджикистана.

И, конечно, Айни теперь уже звучит анахронизмом в Таджикистане, где за эти десять лет выросли новые люди и новая психология. У этого поколения появляются свои поэты и своя литература.

Садрэдин Айни тоже приехал на лингвистический съезд. Он постоянно живет в Самарканде. В Сталинабаде его принимали, как почетного гостя. Когда он проходил по улице, люди останавливались и глядели на него в упор. Это был полный, невысокий человек. Его черная подстриженная бородка тронута легкой проседью. У него красивое лицо и важная осанка. Нагло застегнутый парусиновый сюртук и простая зеленая тибитеика делают его похожим на солидного бухарского купца или чиновника. Айни говорит на изысканном таджикском языке бухарской интеллигенции, и, конечно, он один из вождей той группы, которая хочет сделать этот говор основой нового литературного языка Таджикистана. Садрэдин Айни не только писатель. Он политический деятель. В 1916—17 г. он был одним из выдающихся джадидов и сидел в эмирских «зинданах»².

¹ Вожди бухарского басмачества, эмигрировавшие в Афганистан.

² Джадиды или младобухарцы—буржуазные националисты, добивавшиеся свержения эмира и демократических реформ; зинданы—подземелья—тюрьмы.

НОВЫЙ ДОМ КРАСНОЙ АРМИИ

Одним из первых бухарцев Айни принял Октябрьскую революцию и стал в ряды ее сторонников.

Но революционная борьба в Средней Азии, это—в значительной степени борьба поколений. Сегодняшняя молодежь переросла джадидов с их буржуазно-либеральными идеалами, и поскольку этот джадидский душок все-таки чувствуется в произведениях Айни, поэт, конечно, остался на правом крыле таджикской литературы. Подлинная же сегодняшняя литература седьмой союзной республики идет другими путями. Она выковывается в рабкоровских и дехкоровских кружках, на страницах газет. Ее делают другие люди—с рабфаков, техникумов и вузов, из недр глухих кишлаков—активные работники социалистической стройки.

Таджикский Наркомпрос помещается в стоянке от главной улицы Сталинабада, длинной, еще наполовину незастроенной улицы, обсаженной тонкими молодыми деревьями. Это—новое одноэтажное здание стандартного типа. В таких зданиях помещаются почти все правительственные учреждения города.

Еще два года назад все наркоматы ютились в жалких землянках близ базара.

Новые дома растут как грибы. Их привозят с севера наполовину готовыми—и через несколько месяцев они уже сняют белизной и свежестью среди пустырей и глинистых, слепых землянок. Вокруг Наркомпроса тоже большой пустырь. Сорные кучи разбросаны на пустыре, кучи дымящегося мусора, собачьих трупов и пестрого тряпья. Белое здание однако опрокидывает этот традиционный азиатский пейзаж. Отсюда открывается широкий вид стоящегося города. Стук молотков, визг лебедок, пенье пил—основные звуки Сталинабада. Лицо города меняется с каждым днем. Отходит на задворки старый азиатский базарчик. Появляются широкие улицы, тротуары, мостовые, скверы, клубы, кинематограф.

Маленький, захолустный кишлак Дюшамбе, который при эмире даже не был районным центром, так как местный бек жил в Гиссаре, сделался столицей Союзной республики. Теперь он носит ответственное имя Сталинабада. Город возникает почти из пустого места,

как возникали все новые города в Америке, в прошлом столетии. Здесь нет проблемы старого города, как в Бухаре или в Самарканде. Сталинабад не знает ни бухарщины, ни старого купеческого базара, ни медрессе. Через голову средневековья, минуя стадию капитализма, таджикская столица включается в социалистическое строительство.

В Сталинабаде нет обывателя. Нет здесь и старожила. Люди приезжают сюда на работу без семей, с одним чемоданом. Живут бивуачно в общежитиях или наспех сколоченных бараках. Думать о создании жилого уюта и комфорта сейчас недосуг. Около дощатого почтового киоска, где выдают корреспонденцию до востребования, вытягиваются длиннейшие хвосты. У людей нет постоянного адреса. Весь день они проводят на работе: на стройке, в проектных бюро, на ирригационных изысканиях, за contadorами учреждений, в больницах, школах, диспансерах. В свои временные жилища возвращаются только к ночи. Сумбур этой лихорадочной работы, дьявольскую жару, грязь, тиф, малярию выдерживают немногие. Нужно быть стойким человеком, чтобы плюнуть на все и упорно идти по своей дороге. Некоторые заболевают. Шкурники же, привлеченные высокими ставками, скопив известную сумму, просто удирают.

Нужда в людях—основная беда Таджикистана. Настоящих работников здесь крупицы, и волей-неволей приходится довольствоваться тем, что попадается под руку. Потому-то и устремляются сюда всякие любители нахивы, эти среднеазиатские ковбои, которыми кишают наши окраины.

По вечерам на базаре, в чайханах и пивнушках гремят кабацкие оркестры. Пьяная тоска цыганских романсов и одесских песен плывет над базаром. Огромный детина с бандитской рожей всхлипывает под замиранья скрипок. Люди поют хриплыми, нестройными голосами. Они дерутся, нанося друг другу бессмысленные и тупые удары. Потом их тошнит. Извержения, кровь и водка текут по земле. Сонные милиционеры беспомощно пересвистываются. Это—накладные расходы, неизбежная язва строительства и роста; нестрашная, впрочем, язва, потому что люди эти пришли и уйдут, а город останется и будет жить своей новой, созидающей жизнью.

Кишлак бросает в город лучшую свою кровь. Дехканская молодежь оседает, отсеивается и сама принимается за свое дело. Она идет на фабрики, на заводы, в школы, в комсомол. Она создает новую культуру и новую жизнь. Она определяет собой подлинное лицо сегодняшнего Таджикистана.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЕРИБЕРКУ

А. ЗОРИЧ

Ранним июльским утром на буксире «Выг» мы выезжаем из Мурманска по Кольскому заливу в Александровск.

О том, что сейчас утро, мы знаем, впрочем, только по часам и по тому легкому ознобу, какой охватывает тело всегда, когда не выспишься. Летом день и ночь на Мурмане почти не отличаются друг от друга. Солнце, заливая изумительной бледно-розовой краской горизонт, заходит около одиннадцати часов вечера всего на сорок, на пятьдесят минут. Некоторое время над землей стоят прозрачные, синеватые, тихие сумерки, напоминающие наши предрассветные часы; в двенадцать, или в начале первого, солнце снова

появляется на небе, медленно поднимаясь ввысь и осушая сверкающими своими лучами чистую холодную росу на пробужденной земле. В три часа пополудни и в три часа пополуночи оно занимает почти одно и то же место на небосклоне, и только настоящий северянин может определить в это время, день или ночь стоит над Мурманом. Мы же, путешествуя около месяца по этому сказочному краю, совершенно потеряли нормальный, обычный счет времени и положительно выбились из сна; ночь исчезла бесследно уже очень скоро за Ленинградом, а укладываться в постель при полном дневном освещении, хоть вагон и был оборудован специальными двойными черными шторами—с непривычки казалось как-то странно и невозможно. И мы бродили, разъезжали и работали, порой целыми сутками напролет, положительно не замечая, как сменялись день и ночь, и ложась спать только тогда, когда сонная одурь окончательно овладевала телом и сознанием.